

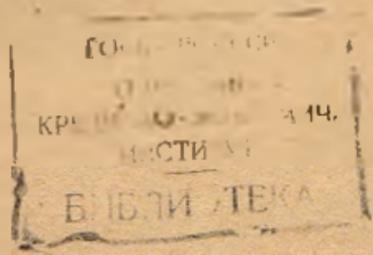
382
Б-83

с

Профессор С. Я. БОРОВОЙ
Доктор исторических наук

Банки в России в последней четверти XVIII века

(Отдельный оттиск из „Сборника трудов Одесского
Кредитно-Экономического Института“, т. II, 1947 г.)

ОДЕССА—1947

332
Б

Изд. 1959 г.

С. Я. БОРОВИЧ
Профессор, доктор исторических наук

БАНКИ В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Последняя четверть XVIII века (после подавления крестьянской войны под руководством Пугачева) проходит под знаком усиления дворянской диктатуры, что являлось, по существу, крепостнической реакцией против растущих элементов капитализма в народном хозяйстве страны¹⁾.

Отсюда глубокая внутренняя противоречивость экономической политики той поры, являвшейся отражением противоречий социально-экономического развития и классовой борьбы.

Эта противоречивость экономической политики с особенной яркостью сказывается в области банкового дела.

Последние десятилетия восемнадцатого века характеризуются интенсивным развитием капиталистических отношений, что находит свое выражение в заметном росте внутреннего рынка, в развитии купеческой мануфактуры, где все чаще встречался наемный рабочий (из оброчных крестьян), в развитии крестьянских промыслов и т. д. Однако, банковая система страны — в это время, как будет показано позже, значительно разросшаяся — была поставлена на службу не этим, развивавшимся в сложной и противоречивой социально-экономической обстановке, капиталистическим элементам. В этот период вся система государственных кредитных учреждений еще с большей последовательностью, чем раньше, была мобилизована на помощь исторически обреченному феодальному землевладению, точнее даже не землевладению, как хозяйственной системе, поскольку суды шли меньше всего на хозяйственные цели, а на помощь землевладельцам, которые «тратят деньги быстрее, чем приносит им их землевладение»²⁾.

Говоря о русском дворянском банке того времени, более чем уместно вспомнить что писал Ф. Энгельс об этом вопросе в письме к Н. Даниельсону (1886 г.). Хотя в этом письме Энгельс пишет о положении дел во второй половине XIX века — все им сказанное с полным правом может быть отнесено и к интересующей нас эпохе.

«Боюсь, что ваш земельный банк приведет к тем же результатам, к каким привели прусские земельные банки. Здесь дворянство заключало займы под предлогом улучшения своих поместий, но на самом деле тратило большую часть полученных денег на поддержание привычного образа жизни, на картежную игру, на поездки в Берлиня и главные города

¹⁾ Н. Рубинштейн. Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII в. «Ученые записки» Московск. Гос. Университета, в. 87, Москва, 1946 г., стр. 100 и сл.

²⁾ К. Маркс. Капитал, т. III (изд. 1935 г.), стр. 541.

18681

своих провинций и т. п. Дворянство считает своим первым долгом — жить сообразно достоинству своего сословия, а первым долгом государства — помогать ему выполнять эту задачу. Таким образом, несмотря ни на какие банки, ни на какие громадные, прямые и не прямые, денежные податки им со стороны государства, прусские дворяне находятся по уши в долгах у ростовщиков»...¹⁾.

В эти годы правительство почти полностью отказывается от практиковавшейся раньше выдачи ссуд промышленным предприятиям²⁾ и торговым компаниям.

Особенно яркой иллюстрацией к кредитной политике дворянской монархии тех лет был указ 1782 г. о ликвидации купеческого банка (фактически прекратившего свою деятельность еще в 1770 г.). Правительство распорядилось передать оставшиеся средства купеческого банка Петербургскому дворянскому банку для увеличения капиталов последнего...³⁾.

Деятельность дворянского банка проходила в эти годы в соответствии со сложившейся в предшествующий период практикой. Банк давал ссуды под залог «ревизских душ» из расчета 20 руб. на душу, а с 1786 г. — 10 руб.⁴⁾ сроком на 8 лет (такой срок был установлен в 1761 г.)⁵⁾. Средства банка (первоначальный капитал его составлял всего 750 т. руб.) были очень скоро заморожены в бесконечно пролонгируемых ссудах⁶⁾, и дворянское государство стало изыскивать новые источники пополнения средств банка. Оно нашло их, главным образом, в эмиссиях Ассигнационного банка (основанного в 1769 г.), в средствах — как только что было упомянуто — ликвидированного купеческого банка и др. Всего в 1786 г. капитал банка составлял примерно 6 млн. руб.⁷⁾.

После разгрома крестьянской войны под руководством Пугачева (1773-1775), дворянское государство стало изыскивать меры к скорейшему излечению ран, которые были нанесены хозяйству крепостников восставшим народом. Одним из мероприятий этого порядка была организация особо льготного кредита для пострадавших помещиков.

Уже 26 марта 1775 г., т. е. через два с половиной месяца после казни Ем. Пугачева, Государственный Совет рассматривал вопрос о специальном ассигновании Дворянскому Банку для выдачи ссуд пострадавшим помещикам. Было решено для этой цели отпустить полтора мил. руб. ассигнованиями. Хотя только за год до этого (10 января 1774 г.) было принято решение об ограничении выпуска ассигнаций 20 мил. руб.⁸⁾ и правительство в это время уже полностью исчерпало свое эмиссионное право — для этого случая решено было нарушить постановленные закона, и эти полтора мил. руб. были выпущены «сверх положенного на обращение ассигнаций числа 20 мил. руб.»⁹⁾.

Деятельность банка, направленная на помощь дворянам, пострадавшим от крестьянской войны, представляет значительный исторический

1) К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений, т. XXVIII, стр. 6.

2) Исключением было сделано для уральских фабрикантов (кстати, в известной части бывших дворянами), пострадавших от восстания Пугачева. — Кашинцев Д., История металлургии Урала, ч. I, Мо ква, 1939 г., стр. 160.

3) П. П. С. З., XXI, № 15734.

4) П. П. С. З., XXI, № 16407.

5) П. П. С. З., XVI, № 11341.

6) Подробнее см. в моей работе «Банки в России в первое десятилетие их существования», Сборник трудов Одесского Кредитно-Экономического Института, т. I, стр. 48 и 49.

7) П. П. С. З., XXI, № 16407.

8) П. П. С. З., XIX, № 14096.

9) Архив Государственного Совета, т. I, ч. 2. СПб. 1869, стр. 532.

интерес; она может быть, к сожалению, освещена только самым недостаточным образом ввиду скудости дошедших до нас материалов.

Для распределения специально полученного ассигнования было предложено московской конторе Дворянского банка учредить особые экспедиции в Оренбурге, Казани и Нижнем Новгороде, «положа по 500 тыс. руб. в каждую, раздавать из оных разоренным тем, равно же Астраханской, Симбирской и Воронежской губ. жителям заимообразно под залог имения их»¹⁾.

В специальном манифесте, изданном 31 марта 1775 г., сообщалось об этой «милости». Манифест начинался торжественно: «Достаточно для правосудия, когда исторгнуты из общества и преданы строгости и мщению законов рушители покоя народного, но человеколюбие обращает внимание на жребий понесших разорение людей».

Были установлены чрезвычайно льготные условия выдачи ссуд. Ссуды давались сроком на 10 лет, причем в течение первых 3-х лет заемщики должны были платить только один процент, а остальные годы по три процента. Особо указывалось, как в манифесте, так и в специальной инструкции, что пользоваться ссудой на таких условиях могут только те, «которых разорение минувшего возмущения касалось». Размер ссуды устанавливался таким образом на недвижимые имения за каждую душу по 40 руб., на фабрики и заводы — сумму не превышающую двойной годовой оборот ее, на двор «половинное число по тому состоянию, в каком каждый при оценке найден будет».

Правительство в своем манифесте заявляло, что «намерение наше есть, чтоб сим... ссуженным воспользовались не одни дворяне, но и всякого рода жители, имеющие собственность и потерпевшие разорение и убытки»²⁾. Однако на практике дело свелось только к помощи дворянам.

Так нам напр. известно, что Казанская экспедиция из розданных ей 503 тыс. руб. всего только 88 тыс. руб. (17,6%) выдала под залог фабрик, заводов и домов, причем, если из этой суммы отбросить заложенных крепостных рабочих, то окажется, что под заклад только недвижимости выдано всего 30 тыс. руб. (т. е. 6%)³⁾.

Казанская банковская экспедиция приступила к выдаче ссуд 20 октября 1775 г., т. е. через полгода после издания соответствующего указа (31 марта 1775 г.). Учитывая темпы действия государственной машины того времени — можно сказать, что в данном случае была проявлена большая «оперативность». За первые 10 дней экспедиция сделала 103 выдачи, а к 1 января 1776 г. ею было по 189 прошениям выдано 394 тыс. руб., т. е. почти 80% всего отпущенного ей капитала. Оставшаяся сумма была роздана в течение всего 1776 г. более медленным темпом по 59 прошениям. Таким образом, всего было удовлетворено 248 просителей.

Чтобы не было злоупотреблений в виде вторичного закладывания имений, уже заложенных раньше в банке, — правительство распорядилось прислать в банковские экспедиции списки заложенных в соответствующих губерниях имений.

Нормы ссуд были весьма разнообразны. В практике Казанской экспедиции самой большой ссудой была выдача в 25 тыс. руб. (А. Денидову), самой маленькой — 80 руб. (казанскому помещику). Наиболее распространенный размер займа — 1 тыс. руб. (60 случаев) и 2 тыс. руб. (50 случаев), затем 500 руб. (17 случаев) 1500 руб. (16 случаев),

1) Архив Государственного Совета, стр. 555.

2) П.Л.С.З., XX, 14285, Инструкция, там же, 14114.

3) Подъяпольская Е. — К вопросу о дворянской задолженности в конце XVIII века (Отг. из «Журнала Нижегородского Института Красоведения им. Горького»), стр. 8.

5 тыс. руб. (14 случаев), 4 тыс. руб. (12 случаев) и 2500 руб. (10 случаев)¹⁾.

Исключительно льготные условия кредита, которыми пользовались помещики, получившие ссуды из средств банковских экспедиций, не сделали их однако более аккуратными клиентами Дворянского Банка, чем его обычные должники. К 1778 г. всем трем экспедициям следовало получить 45 тыс. руб. в виде процентов по ссудам, но ими было собрано... 400 руб.²⁾ Правда, к этому времени кое-кто и вернул досрочно взятые ссуды, но всего-навсего на 5 тыс. руб.³⁾.

В 1785 г. особые экспедиции были ликвидированы и операции по выданным ими ссудам были переданы в московскую контору Дворянского Банка. Таким образом эти ссуды специального назначения окончательно растворяются в общей массе дворянской задолженности.

Как было показано, в течение всего изучаемого периода (до 1786 г.) стремление дворянской монархии увеличить ссудные возможности Дворянского Банка не дали все же — ввиду ограниченности государственных ресурсов — значительных результатов. Шесть миллионов основного капитала плюс нарощие проценты (хотя и слабо поступающие и частично идущие на содержание аппарата банка) — это было совсем немного, если сравнить с предъявлявшимся спросом со стороны дворянства. Однако не нужно все же преуменьшать роль, которую уже в этот период играет Дворянский Банк в экономике дворянского землевладения.

Можно сделать некоторые, хоть и самые приблизительные расчеты, которые покажут, какая доля ревисских душ была в ту пору (1786 г.) заложена в банке. Средства банка (основной капитал плюс нарощие проценты), должны были составить не менее 10 мил. руб. Будем считать, что ввиду известной нам неаккуратности должников и ввиду того, что за счет процентов содержался аппарат банка — в качестве ссуд было роздано только 8 мил. руб. Значит в банке было заложено не менее 400 тыс. душ (с 1766 г. под ревисскую душу давали 20 руб., а до того 10 руб.). По четвертой ревизии (1781 г.-1783 г.) в России (без Украины, «шляхетство» которой до 1783 г. не имело еще права закладывать в банке «души», и без только что присоединенной Белоруссии) числилось 5092000 ревисских душ помещичьих крестьян. Значит в банке было заложено около 8% всего числа крестьян. Вспомним, что когда банк начинал свою деятельность, в нем могло быть заложено только около 2% помещичьих крестьян.⁴⁾

Вот примерно — в самых общих чертах — итоги деятельности Дворянского Банка к середине 80-х годов XVIII в., когда правительство Екатерины стало разрабатывать новые грандиозные планы кредитования дворянского землевладения.

В 80-х годах XVIII ст. финансовое положение Российской империи было далеко не блестящим. Медленное развитие производительных сил страны, предопределяющееся господством крепостнических отношений, обуславливало очень незначительный рост платежеспособности населения, сословная направленность фискальной политики государства еще больше суживала возможности увеличения источников государственных

¹⁾ Подьяпольская, ук. соч., стр. 8—9.

²⁾ Архив Государственного Совета, стр. 534.

³⁾ П.П.С.З., XX, 14885.

⁴⁾ Так, из официального источника мы знаем, что уже в 1761 г. банком (Дворянским и Купеческим) было получено в виде процентов на их капитальную сумму в 1250000 руб.—585 т. р.—П.П.С.З., XVI, 112⁹⁶.

⁵⁾ С. Я. Боровой ук. соч., стр. 42.

доходов. А между тем государственные финансовые нужды все время возрастали. Попрежнему императорский двор с его пышным обиходом поглощал очень заметную часть бюджета (до 11%); росли затраты, идущие на укрепление аппарата дворянско-крепостнического государства, потрясенного восстанием под руководством Пугачева. В условиях новой активизации внешней политики России (подготовка к окончательному разделу Польши; большие турецкие планы и т. д.) особо большие и нестолжные требования к государственному казначейству предъявляли армия и флот.

При этих условиях не было ничего удивительного в том, что все время увеличивался бюджетный дефицит и образовался впервые в истории России государственный внешний долг. Количество выпущенных в обращение ассигнаций прогрессивно росло и значительно превысило установленную в 1774 г. правительственным указом предельную сумму (20 мил. руб.). К 1786 г. выпущено было ассигнаций на 46 мил. руб., и выпуск ассигнаций стал регулярно использоваться, как средство покрытия дефицита.

В 1785 г. в предвидении увеличения дефицита генерал-прокурор князь Вяземский представил Екатерине II обширный доклад, в котором предлагал провести ряд мероприятий, необходимых — по его мнению — для того, чтобы покрыть дефицит и образовать небольшой резерв в бюджете. Пресект Вяземского сводился к увеличению ставок некоторых налогов и к введению нескольких новых видов обложения¹⁾.

План Вяземского был однако отклонен крупным государственным деятелем того времени Безбородко²⁾. Последний высказался за необходимость расширения эмиссии Ассигнационного Банка. Директору Ассигнационного Банка Шувалову, который уже раньше неоднократно отстаивал эту же точку зрения, было предложено представить соответствующие соображения.

В начале 1786 г. была организована комиссия, которой было поручено рассмотрение предложения Шувалова.

Доклад этой комиссии (представленный 15 июня 1786 г.) является очень любопытным документом³⁾. Авторы его указывали, что ими найдено чудесное средство не только против финансовых затруднений, но и обильный источник умножения богатств. Средство это заключалось в «новом устройении ассигнационных банков» — предлагалось предоставить ассигнационному банку право выпустить ассигнаций на 100 мил. руб. (с зачетом уже находившихся в обращении), не увеличивая металлического покрытия. Авторы предложенный заявили, что рост эмиссии не может иметь никаких вредных последствий, особенно, «в рассуждении великого пространства земель России».

По словам комиссии, принятие предложений Шувалова сулило неописуемые выгоды. Казначейство сразу получало большое денежное подкрепление (18 мил. руб.), которым могли быть покрыты долги кабинета и часть государственного долга. Можно затем предоставить казначейству на два года отсрочку по платежам в банк. Но основное

¹⁾ Записка Вяземского опубликована Клоомзиным в издании «Финансовые документы царствования Екатерины II», т. I (Сб. Исторического Общества, т. XXVIII (1880), стр. 258—61). Подробнее о планах Вяземского см. также — Чечулин Н. — Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II СПб, 1906, стр. 334—339.

²⁾ Сб. Исторического общества», т. 28, стр. 280—283.

³⁾ Заключение комиссии опубликовано в «Архиве Государственного Совета», т. I, ч. II (СПб, 1869), стр. 536—562.

достоинство этого предложения комиссия видела в том, что оно открывало возможность снабдить большими денежными средствами банки для выдачи ссуд дворянам и купцам. А это мероприятие, по словам комиссии «обуздывает лихву, унижает указные проценты, устрояет частное хозяйство, подает способы к распространению или к лучшему учреждению хлебопашества и умножению всяких произрастаний... служит знатной выгодой для торговли и для городов...».

Выгоды, которые доставит земледелию, торговле и промышленности заемный банк, настолько велики, что это — по мысли авторов записки — вполне оправдывает необходимость увеличения количества бумажных денег. «В обобщенном соображении полезности и преда обретаем мы весьма выгодный изворот в учреждении нового заемного банка».

«Изворот в учреждении нового заемного банка» заключался в следующем. Основывался банк для выдачи ссуд дворянам и купцам. Для выдачи ссуд дворянам предназначалось 22 млн. руб. (с зачетом раньше выданных для этой цели ассигнационным банком 4,5 млн. руб.), а для выдачи городам — 11 млн. руб. Ссуды дворянам должны были выдаваться сроком на 20 лет из 8% (туда входило и погашение займа), а городам на 22 года из 7%.

Шувалов вперед исчислил те громадные выгоды, которые казна должна извлечь из этой операции. Основываясь на фантастическом предположении, что все деньги будут сразу выданы и что выплата процентов и погашение будет производиться полностью и без всякого промедления, Шувалов «доказал» математически, что эта операция принесет казне чистого дохода свыше девятнадцати млн. руб. Шувалов не поленился также представить план использования этих средств, которые должны были появиться таким неожиданным, прямо-таки магическим, образом. Тут было покрытие кабинетного долга, и устройство дороги между Петербургом и Москвой, и даже погашение трехмиллионной ссуды, выданной Потемкину на нужды Таврического края и т. д.

С особым красноречием и подробностями изображали авторы проекта выгоды, которые извлекут из заемного банка дворяне-землевладельцы. Они сочли целесообразным даже подвести некоторое теоретическое обоснование под свой проект. Приведем несколько наиболее ярких отрывков из этого любоблпытного рассуждения.

«Земледельце есть как фабрика, требующее своего капитала в деньгах, в строениях, в орудиях и сверх того в скотоводстве.

..Дворяне, особливо в селениях своих живущие, суть российские фермеры».

«В руках его наличные деньги произведут по малой мере десять процентов, а он, уплачивая по восьми, узрит сверх умеренной прибыли, к окончанию срока займа, что доход его навсегда удвоит: ибо обделанные пашни, осушенные болота, хозяйственные строения и прочие заведения останутся ему навсегда капиталом».

«Умножение денег многим представляется быть способом к роскоши и мотовству, но разве и другие вещи, на добро определенные, не могут на это употребиться? Страх сей связал бы руки всякому благотворению».

Приведенные рассуждения носят на себе явный отпечаток модных тогда экономических идей. Но нужно было потерять всякое чувство реальности или совершенно не понимать смысла употребляемых терминов, чтобы назвать русского крепостника «фермером», русское феодальное землевладение — «фабрикой, требующей своего капитала» и т. д.

Но если можно так или иначе расценивать степень знакомства членов комиссии с экономической теорией, — то в одном нельзя сомне-

ваться видные члены правительства, хорошо осведомленные о финансовом положении страны, они, конечно, не могли не знать о практике дворянского банка, о том, с какой неаккуратностью погашались дворянами долги и выплачивались проценты. Поэтому совершенно невозможно допустить, что авторы записки действительно верили в реальность представленных ими расчетов.

Ведь в плане все было основано на предположении, что погашение ссуд будет производиться с автоматической точностью. Это находилось в таком разительном противоречии с практическим опытом, что о каком-нибудь добросовестном заблуждении не приходится и говорить. Был еще один порок во всех расчетах авторов проекта, который также вряд ли мог остаться ими незамеченным. Они предлагали выдавать под крепостную душу 40 р., что из 8% годовых составляло 3 руб. 20 коп. А между тем средний денежный оброк составлял в то время только 3 руб. Возникает вопрос, как при этих условиях можно было рассчитывать на аккуратную уплату процентов?

Довольно подробно, хотя и менее красноречиво рисовала комиссия пользу, которую извлекут города из развития кредита.

Предложения комиссии были полностью апробированы Екатериной¹⁾, несмотря на предостерегающий голос генерал-прокурора Вяземского²⁾.

Члены комиссии были щедро вознаграждены: Шувалов, Воронцов, Завадовский получили за «труды» по 50 тыс. руб., Безбородко — 15 тыс. руб. Конечно, Вяземскому ничего не дали.³⁾

Еще до того, как проект комиссии вылился в определенные законодательные акты, о предстоящем открытии банков узнали в довольно широком кругу друзей членов комиссии. И всюду эта новость возбудила живейшие надежды.

Дворяне ждали, что основание заемного банка приведет к росту цен на земли и вообще улучшит хозяйственную конъюнктуру. Друг Безбородко Львов поспешил написать своему приятелю поэту Г. Державину письмо (19. VI. 1786), в котором, говоря о предстоящем открытии банка, советовал не продавать сейчас деревни⁴⁾.

Для закулисной истории организации «Стомилионного банка» может представить немалый интерес следующий факт: с самого начала предусматривалось, что банк должен будет выдать очень значительную ссуду на личные нужды «самому» Потемкину. Безбородко все время информировал «светлейшего» о ходе дел. Сейчас же после открытия банка он известил Потемкина, что «государыня дозволила, чтоб директора банков согласились миллионов до 5 отпустить тотчас же для удовлетворения В. светлости» (под заклад получасмых им в Белоруссии именней): «а до того, чего не станет по числу душ — услужливо прибавлял Безбородко — я возьму на свое имя и свой заклад»⁵⁾.

Мы привлекаем внимание к этому факту потому, что, учитывая громадное влияние Потемкина на государственные дела, мы не можем не высказать предположения, что его личная заинтересованность могла

1) Как видно из записок секретаря Екатерины Храповицкого, Екатерина еще в 1784 году заинтересовалась деталями Дворянского банка и потребовала все законодательные материалы по этому вопросу. Храповицкий А.—Дневник. Москва, 1901, стр. 363.

2) Архив Государственного Совета, т. I, ч. II; стр. 536.

3) Григорович II.—Кандидер кн. Безбородко и связи с событиями его жизни. СПб. 1879, стр. 169.

4) Державин—Сочинения, т. V, СПб, 1869, стр. 49.

5) Григорович—ук. соч., стр. 284—285.

иметь немалое значение при обсуждении и реализации планов «Стоимлионного банка».

28 июня 1786 г. был обнародован манифест, возвещавший об учреждении Государственного Заемного Банка¹⁾.

В манифесте организация банка изображалась, как величайшее благодеяние, оказываемое народу в ознаменование двадцатипятилетия царствования. Отсюда особенно приподнятый и торжественный тон манифеста, его риторические красоты.

В манифесте весьма пространно повторялись мысли, высказанные в записке комиссии, например:

«В самом нашем государстве есть страны от природы тучные, но плодородие, невспомогаемое рачительностью и нужным достатком, меньше плодильет в оных, чем в таких местах, где имущество хозяйственное неплодную по себе землю довело до преуспяния не знать ни когда в хлебе недорода. Нужны и тут деньги, дабы скот, строения и орудия потребные к тому запастись».

Далее следовало длинное рассуждение о вреде ростовщичества, которое — по словам манифеста — все более умножается, а это «увязляет чувствительность и сроднее нам матернее сирдобольше».

После этого манифест переходил к изложению сущности дела. Общие задачи банка определялись таким образом:

«Узрели мы средство подать благотворительное вспоможение нашим подданным, а наипаче нашему дворянству, от коего, яко от надежнейшей подпоры престола нашего, мы и наши предки зрели всегда знаменитые услуги...

...Паче и паче возвышая сильное от нас пособие на обуздание лихоу, в помощь общим нуждам по сохранению дворянского имения в их родах, которое, через долги переходя в чужие и больше занмодавцев руки, приводит лишившихся оного в упадок, и дабы также наши города и их жителей поставить в состояние не зависеть от ссуд иностранных, чем доселе стесняется торговля и самые их в оной соображения — учреждаем мы... новый заем денежный, именуя оный Государственным Заемным Банком»...

Очень подробно излагалась сама сущность ссудных операций банка. Банк должен был давать ссуды сроком на 20 лет; минимальный размер ссуды устанавливался в 1 тыс. руб. Обеспечением ссуды должны были быть, как и раньше, населенные деревни, «полагая крестьянина в 40 руб.». Ссуда давалась из 5% годовых, но кроме того ежегодно должны были уплачиваться 3% по всей сумме в погашение долга. Таким образом, как показывают приложенные арифметические примеры, за 20 лет полностью погашался долг.

Через каждые 4 года — соответствующая погашенной части ссуды часть имения возвращается в полное заемщика распоряжение. Манифест предусматривал даже возможность выкупа банком имения, находящегося в залоге у частных лиц. Тогда банк «считает сию уплату наравне с займом из банка».

Всего для выдачи ссуд дворянству предназначалось в соответствии с решением комиссии 22 млн. руб. (с зачетом уже ассигнованных раньше казной на эти же нужды 4,5 млн. руб.²⁾ Банку разрешалось также развить депозитные операции (платя по вкладам 4½ процента).

¹⁾ П.П.С.З., XX, 16407.

²⁾ Дополнительно разъяснялось, что заемщикам Дворянского банка предоставлялось право свои обязательства перенести «по образцу нового займа» (П.П.С.З., XXII, 16408). На этом настаивала комиссия по рассмотрению проекта Шувалова. (Ср. Архив Государственного Совета, т. I, ч. II, стр. 546).

Менее подробно излагалась предполагаемая деятельность заемного банка по выдаче ссуд городам (на что проектировалось ассигновать 11 мил. руб.).

Манифест предусматривал также производство банком «чексента или учета векселей» (не свыше 1½% за месяц).

Все эти мероприятия должны были, как уверенно заявлял манифест, привести «банк в подобное состояние таковым, что процветают в Европейских державах»...

Через несколько времени был издан Устав Заемного банка (25 декабря 1786 г. ¹⁾), в котором более подробно и конкретно развивались основные положения манифеста. Устав требовал, чтобы банковские бухгалтерские книги велись «на основании купеческого обряда, т. е. по правилам так называемой италийнской с двумя партиями производимой бухгалтерии». (§ 79).

11 января 1787 г. государственный заемный банк открыл действия²⁾.

Практические результаты деятельности этого банка находятся в разительном несоответствии с широкими надеждами, которые были с ним связаны.

Трудно сказать как пошла бы при нормальных условиях деятельность Заемного банка, на основу планов которого были положены, как мы видели, совершенно фантастические основания. Но так случилось, что очень скоро после основания банка началась так называемая вторая турецкая война (1787-1791), потом русско-шведская война (1788-1790). Эти войны привели до крайнего напряжения государственные финансы. Эти неожиданные обстоятельства заметнейшим образом отразились на положении Заемного банка и предопределили характер его деятельности на ближайшее время.

До нас дошло чрезвычайно мало сведений о деятельности Заемного банка. Так как по имеющимся в печати данным архив этого банка, так и не дождавшийся научной разработки, был уничтожен в 1918 г. ³⁾, то очень мало шансов на то, что когда-нибудь появится возможность изложить более подробно историю этого банка.

При этих условиях мы вынуждены ограничиться сообщением только некоторых разрозненных фактов из истории Заемного банка.

Раньше всего следует сказать, что намеченное проектом и громко прокламированное манифестом ассигнование большого капитала (11 «когда настанет и тому удобность», они будут предоставлены в соответствии с Казначейство эти средства использовало для покрытия очередных неотложных расходов.⁴⁾ Правда, в постановлениях Государственного Совета отмечалось, что эти деньги предоставляются казначейству временно, а «когда настанет и тому удобность», они будут предоставлены в соответствии со своим первоначальным назначением (т. е. гср-судам⁵⁾). Однако, по использованию этих 11 мил. руб. по своему назначению у нас нет никаких данных. Таким образом, основание Заемного банка ни в какой мере не приблизило к разрешению проблемы организованного и дешевого торгового кредита.

Менее ясным представляется вопрос об использовании средств, ассиг-

¹⁾ П.П.С.З., ХХII, 16181.

²⁾ П.П.С.З., ХХII, 16199; Указ о переименовании Дворянского банка в Государственный Заемный банк был издан еще в июне 1786 г. (П.П.С.З., ХХ, 16408).

³⁾ Боншиков А.— Вспомогательные историч. дисциплины. Ленинград, 1924 г., стр. 273—274.

⁴⁾ Архив Гос. Совета, стр. 44—41, 572—Ср. также Бржеский Н.— Государственный долг России. СПб., 1884, стр. 65—69.

⁵⁾ Архив Государственного Совета, стр. 446.

сигнованных для ссуд дворянам. В дошедших до нас документах нет никаких прямых указаний о судьбе этих миллионов. Микулин, Брже-ский и Ходский¹⁾ и многие другие авторы не сомневались в том, что эти деньги были использованы согласно их предназначения. Однако, Н. Че-чулин, анализируя известные ему материалы по этому вопросу, пришел к выводу, что и капитал, назначенный к выдаче в ссуду дворянам, также был в конце концов передан казначейству для покрытия военных рас-ходов²⁾.

Мы считаем, что с предположением Чечулина следует согласиться, и в подтверждение его вывода можем привести еще некоторые данные.

Еще в 1803 г. Шторхом был опубликован баланс Заемного банка за 1793 и 1794 г.г.³⁾ (эта публикация оставалась до сих пор не замеченной исследователями). По этому балансу видно, что в дебете банка числилось 28 мил. руб., полученных от Ассигнационного банка; в этом же балансе коротко записано: сроком на 20 лет выдано 18,250.449 р.; сроком на 22 г.— 8,470.444 р. Что касается последней суммы, то мы совершенно точно знаем, что это были предназначавшиеся для городов деньги, которые были выданы казначейству, обязавшемуся уплачивать банку соответствующие проценты и погашения. Очевидно и деньги, выданные сроком на 20 лет (т. е. предназначавшиеся для дворян) были переданы казначейству на этих же условиях. Это видно из того, что годичный платеж казны в Заемный банк был исчислен в 1789 г. в 2.280.000 р.). Простой арифметический расчет показывает, что, кроме городских денег, были взяты еще 18 мил. руб. Здесь же следует отметить, что по специальному распоряжению правительства проценты, которые поступали по двадцатилетнему займу (вероятно также и 22-х летнему), обращались на военные нужды и передавались казначейству⁴⁾. Таким образом выясняется, что поражающая своей необычностью полная и своевременная уплата процентов по 8% займу (этот один факт мог бы, по нашему мнению, служить достаточным доказательством того, что эти деньги не были розданы помещикам) сводилась к чисто бухгалтерской операции.

Если бы в течение короткого срока Заемный банк роздал дворянам такую, по тому времени, крупную сумму, как 18 мил. р. — то этот факт несомненно нашел бы отражение в литературе. А между тем мы не смогли обнаружить никаких следов этого в современной публицистике, мемуарах и других памятниках.

И это является еще одним доказательством правильности предположений Чечулина.

Надо отметить, что на средства Заемного банка посягало не только военное ведомство. Из этого же источника покрывались и некоторые дворцовые расходы. В своем дневнике секретарь Екатерины А. В. Храповицкий записал (7 февраля 1789 г.), что он получил 320 тыс. руб. для придворного театра из Заемного банка⁵⁾. И это был, сколько можно судить, далеко не единственный случай⁶⁾.

1) Микулин П.—Назва банковская политика. Харьков, 1904, стр. 10. Брже-ский— Ук. соч., стр. 63 и след. Ходский Л.—Полезный кружок в России. Москва, 1862 стр. 69 и след.

2) Чечулин—Ук. соч., стр. 359.

3) Storch H. Supplementband zum 5-7 Teil des historisch-statistischen Geinaldes des Russischen Reichs. Lpzg, 1803, стр. 62—63.

4) Архив Гос. Совета, стр. 469; там же, стр. 502.

5) Сборник Русского Историч. Общества, т. 23 (СПб, 1880), с.р. 367, 435, 441—442 и др.

6) Храповицкий А. В.—Дневник. Москва, 1901, стр. 146.

7) Ср. Сборник Русского Историч. Об-ва, т. 45 (1885 г.), стр. 83 в след.

Из всего изложенного выше вовсе не следует, конечно, что Заемный банк не производил никаких операций по выдаче ссуд дворянам-землевладельцам. В его балансе значилось около 11 млн. руб., розданных сроком на 8 лет, в основном эта сумма, конечно, состояла из ссуд, предоставленных Дворянским банком до его реорганизации; но, во-первых, ссуды иногда все же погашались, и банк получал возможность удовлетворить новых претендентов. Кроме того, следует отметить, что сейчас в распоряжении банка были вклады государственных учреждений и частных лиц (на 1793 г. приблизительно 8 млн. руб., из них частных лиц свыше половины¹⁾); и эти суммы, очевидно, главным образом предоставлялись в качестве ссуд землевладельцам.

Такой оборот дел Заемного банка находился в видимом противоречии со сложившейся практикой русских банков XVIII в. и четко намечавшейся кредитной политикой монархии, подчинявшей интересы государства интересам дворянского землевладения. Но такое положение было обусловлено, как отмечалось выше, чрезвычайными обстоятельствами и носило только временный характер²⁾.

Вместе с тем следует учесть, что в последней четверти XVIII в. дворянский (а с 1786 г. — Заемный) банк уже не является единственным учреждением, осуществлявшим кредитование дворянства под залог «души».

Остановимся на краткой характеристике деятельности других органов дворянского кредита.

Учрежденный в 1764 г. Воспитательный дом получил в виде особой привилегии право принимать вклады и помещать их в Дворянском Банке. Скоро, однако, руководители Воспитательного Дома убедились на своем опыте, что несмотря на специальную гарантию правительства Дворянский Банк не является подходящим местом для хранения вкладов.

В 1772 г. при Воспитательном Доме организуется целая система кредитных учреждений: вдовья казна (специальный вид страхования жизни), ссудная казна и, наконец, сохраняя казна. Руководство всеми этими кредитными учреждениями, организованными самостоятельно при Петербургском и Московском Воспитательных Домах, поручалось Опекунским Советам, в которые входили виднейшие и влиятельнейшие вельможи.

Такое своеобразное соединение кредитного учреждения с филантропической организацией являлось реализацией мысли, высказанной в екатерининском «Наказе» (точнее у Монтескье), где говорилось, что для лучшего сохранения кредита «должно банки присовокуплять к установлениям святости причастным».

По мысли учредителей, ссудная казна являлась средством борьбы с ростовщичеством, а то даже и его уничтожения.

«В казне же ссудной находим ту палящую пользу, что корыстолюбие ростовщиков, к общему сожалению поныне не искоренилось ни строгими прежних государей приказаниями, ни краткими милосердными законами вашего величества, но учреждаемая сия казна... сию неумолимую алчность корысти... со временем вовсе истребит» и т. д.

Однако, если отбросить всю эту выспреннюю фразеологию, мы увидим, что на ссудную казну были возложены скромные функции обычного ломбарда. Ссудная казна должна была выдавать краткосрочные ссуды на сумму до 1 тыс. руб. сроком на 12 месяцев из 6% годовых под залог

¹⁾ Storch, там же.

²⁾ В заключение отметим, что 1795 г. было обнаружено крупное хищение средств Заемного банка. Любопытнейшие подробности об этом см. в дневнике Державина «Сочинения Державина», т. VI, СПб, 1871, стр. 685—693.)

золота, серебра или вещей, под золото и серебро 75% стоимости, «прочие вещи принимать с осторожностью»¹⁾. Далее указывалось, что ссудная казна будет обслуживать «всякого звания людей». Вообще следует отметить, что в соответствии с их филантропической терминологией, в «генеральном плане» всех вышеупомянутых кредитных учреждений при Воспитательном Доме упоминалось, что они должны служить «р пользу всего общества»²⁾. Однако не трудно будет убедиться в полной безосновательности этого заявления.

Не останавливаясь здесь на характеристике деятельности вдовьей и ссудной³⁾ казны — что в плане этой работы не представляет интереса, — задержимся несколько подробнее на деятельности сохранной казны. Сохранная казна, как видно из ее наименования, должна была раньше всего служить местом, где «общее богатство, не выходя в чужеземные руки, оставаться будет в империи». Однако, и это очень показательно для состояния кредитного дела в России того времени, сохранная казна — согласно генерального плана — обязывалась платить проценты только по срочным вкладам, по бессрочным же вкладам процентов не платили, а наоборот взымали с вкладчика один процент. Если при срочном вкладе вкладчик своевременно не отбирал вклада, то за просроченное время ему тоже не платили процентов⁴⁾. Это нежелание кредитного учреждения брать на себя неограниченные обязательства перед вкладчиками; боязнь, что оно не найдет выгодного, главное — верного, помещения капиталом, находит себе объяснение в отсталости хозяйственного развития страны. Напомним, что в Пруссии, Австрии и других крепостнических странах мы встречаемся с аналогичными явлениями⁵⁾.

Сохранная казна приступила к своей деятельности при Петербургском Воспитательном Доме в 1772 г.⁶⁾, при Московском — в 1775 г., о чем было предварительно опубликовано в русских и немецких газетах и в особых донесках, разосланных губернаторам и воеводам для раздачи в провинции⁷⁾.

Относительно скоро вклады, поступившие в Московскую и Петербургскую сохранные казны, в своей совокупности почти сравнялись с капиталом Дворянского Банка. Так, в 1781 г. в сохранных казнах числилось вкладов — 4.767.000 руб., а в 1787 г. — 8.589.000 руб.⁸⁾ Основная масса вкладов поступила в Московскую контору (1783—3.200.000 руб., 1793 — 8.200.000 руб.⁹⁾.

К сожалению, в нашем распоряжении нет материалов о размерах и, главное, о происхождении этих вкладов. Очевидно некоторая толика их состояла из купеческих денег. Но в основном это были дворянские капиталы. Наличие таких свободных сумм у дворянства и их сравнительно

1) Любопытная деталь — «Для лучшей предосторожности от заврежных служителей, рабочих и малолетних менщиков людей, присылаемые через них большие вклады без ясного и несомнительного вида приняты не будут».

2) П. П. С. З., XIX, 13909.

3) Отметим здесь, что деятельность ссудной казны достигает весьма значительных оборотов. Так из ссудной казны при Петербургском Воспитательном Доме было в 1791 году выдано ссуда на 650 тыс. руб., в 1795 г. — 808 тысяч рублей. (А. Пятковский — Санкт-Петербургский Воспитательный Дом под управлением Бейкова —, Русская Старина», 1875 г., т. II, стр. 535).

4) П. П. С. З., XIX, 13909.

5) Ср. Кулишер И. — История экономического быта Западной Европы, т. II, М., 1931 г., стр. 300 и след.

6) Пятковский — ук. соч., I, стр. 175.

7) Филимонов Д. — Кредитные учреждения Московского Воспитательного Дома —, Русский Архив», 1876, т. I, стр. 266.

8) Пятковский — ук. соч., т. II, стр. 535.

9) Филимонов — там же, стр. 270.

быстрая мобилизация — весьма показательны. Мы убеждаемся, что если эта пора идет вообще под знаком растущей задолженности дворянства, что находит свое выражение, главным образом, в займах у ростовщиков и только во вторую очередь — в займах в официальных кредитных учреждениях — то наряду с этим проходит процесс и некоторого оседания свободных денежных средств у части дворянства. Конечно, не следует преувеличивать размеры этого явления.

Не останавливаясь здесь на рассмотрении этого вопроса подробнее, подчеркнем сейчас другой момент: все собранные ею вклады Сохранная Казна обращает в ссуды под залог недвижимых имений (т. е. «душ»), фабрик и каменных домов. Т. о., Сохранная казна становится еще одним учреждением по снабжению дворян дешевым кредитом. Громадная потребность дворянства в ссудах, с одной стороны; отсутствие в условиях экономики того времени более верного обеспечения капиталов, чем населенное поместье, а главное — политический и социальный вес дворянства — все это сделало неизбежным такое именно использование депозитов Сохранной Казны. Организаторы кредитных учреждений при Воспитательном Доме заявляли весьма самоуверенно, что «сии патристические учреждения весьма различествуют от всех такого же имени европейских, которые обыкновенно основаны бывають с собственной их корыстью». Однако не трудно будет убедиться, что «благородное сие учреждение весьма обрести немало корысти из этого, по идее, чисто филантропическому учреждению».

Любопытно отметить, что еще до того, как был утвержден «генеральный план» Сохранной Казны, капиталы Воспитательного Дома (сложившиеся в результате пожертвований) оказались в некоторой своей части розданными в виде ссуд под залог имений. Так в 1769 г. Воспитательный Дом выдал ссуду в 9 тыс. руб. под залог «душ» обер-прокурору Сената кн. Волконскому. До 1772 г. — т. е. до основания Сохранной Казны, было выдано еще некоторое количество ссуд. Тогда Воспитательный Дом пользовался правилами, установленными Дворянским Банком¹⁾.

Только несколько позже, после официального открытия деятельности Сохранной Казны, были утверждены правила выдачи ссуд под залог недвижимости; они отличались от практики Дворянского Банка.

Нормальным размером и сроком ссуд считалась одна тысяча рублей на 1 год из 6% годовых; но можно было получить 2 т. р. сроком на 2 года, 3 тыс. руб. на 3 года и т. д. Максимум ссуды не устанавливался. Он ставился в зависимость от свободных средств. Предельный срок ссуды сначала был определен в 10 лет, потом в 1775 г. Петербургский Совет, опасаясь, чтобы «из раздачи сумм на долгое время не последовало затруднений», — максимальный срок ссуды сократил до 5 лет; однако, тут же была сделана оговорка, что в отдельных случаях для возвращения больших займов (в 10-20 тыс. руб.) дозволено, по примеру Дворянского Банка, продолжить ссуду до 8 лет.

Обеспечение ссуды требовалось большее, чем в Дворянском банке: под каждую тысячу рублей — 100 душ, а при наличии поручителя — 50 душ заемщика и 50 душ поручителя. Впрочем, по усмотрению Опекунского Совета от «известных и надежных» лиц поручительство могло приниматься и без обеспечения его именем. Под залог домов и фабрик без земли давали ссуду в размере половины оценки; с землей — двух третей. На усмотрении Опекунского Совета оставался вопрос о том,

1) П. П. С. З., XIX. 13909.

2) Филимонов — там же, II. 219.

должен ли заемщик ежегодными взносами погашать ссуду или только уплачивать очередные проценты¹⁾.

Довольно скоро условия кредита были несколько облегчены: на том основании, что крестьяне «час от часу дороже становятся» с 1785 г. одна тысяча рублей стала выдаваться под залог 30 душ, процентная ставка была снижена в 1786 г. до 5%, но предусматривалось, что заемщик должен был один-два процента с заемной суммы внести в виде «подавания»²⁾.

В дальнейшем Опекунские Советы, очевидно, не считают себя связанными этими нормами. По всем дошедшим до нас данным видно, что они требуют меньшего обеспечения под ссуды³⁾, ссылаясь на продолжающийся рост цен на крестьян (объясняемый частично обесценением ассигнаций).

Имея дело с тем же кругом клиентов, что и Дворянский банк, Сохранная Казна испытывает в своей ссудной деятельности знакомые уже нам из предшествующего изложения осложнения и трудности. В 1796 г. выяснилось, что около половины ссуд, выданных Московской Сохранной Казной, были просрочены, по ним, конечно, не поступило своевременно и никаких процентов⁴⁾. Очевидно положение дел в Петербургской Сохранной Казне было не лучше. Хотя согласно инструкции при закладе имения требовалось представление официальной справки о количестве душ, числящихся в имении, о том, что оно нигде не заложено, все же иногда случалось, что «многие помещики закладывали старые или даже чужие поместья, или называли не то количество душ, которое было в действительности». По словам этого же автора, займами в этом «богоугодном заведении» не гнушались пользоваться и богатейшие вельможи того времени и они меньше всего были склонны показывать пример аккуратного выполнения своих обязательств. Так, например, один из богатейших русских дворян того времени гр. К. Разумовский много раз просил об отсрочке платежа в 5 тыс. руб. Всесильный Потемкин, перебравший из государственной казны не один миллион рублей, не оставил своим вниманием и капиталы Сохранной Казны. Пользуясь своим положением, он несколько раз принуждал Опекунский Совет нарушать установленные правила. В 1781 г. он взял под залог одного из своих имений 50 тыс. руб. сроком на 5 лет; потом, не уплатив долга казне, продал имение и в обеспечение залога представил бриллианты (хотя под драгоценные камни запрещалось давать более 3 тыс. руб.); потом потребовал возвращения бриллиантов и в обеспечение долга совершил закладную на 900 душ крестьян⁵⁾.

Спрос на капиталы Сохранной Казны был настолько велик, что в качестве ссуд были розданы не только все вклады, но и часть собственных капиталов Воспитательного Дома; а по истощению всех наличных сумм Московский Опекунский Совет стал даже выпускать особые «билеты Сохранной казны». Таких билетов, сколько известно, до 1795 г. было выпущено на 1 мил. руб. (в одном только 1783 г. «за именованием наличных денег» — 363 тыс. руб.) и эти не предусмотренные уставом эмиссионные операции привели «к вящему подрыву кредита» Воспитательного Дома, так как эти билеты учитывались у частных дисконтеров-ростов-

1) Филимонов—Указ. соч., I. 269; Пятковский, ук. соч., 538.

2) Пятковский—там же.

3) Так, в 1803 г. 17 млн. ссуды, выданных московской конторой, были обеспечены только 244 г. душ и 46 домами. Таким образом, под «душу» примерно давали 60 руб. (ср. Филимонов), там же, стр. 270.

4) Пятковский—стр. 184.

5) Пятковский—там же, стр. 536.

щиков из 20-25%. Только в 1795 г. было предписано «билеты, выпущенные вместо наличных денег, которые подорвали кредит Воспитательного Дома, расстроили благоустройство оного, возродили неудовольствие публики и затемнили славу Дома», — как можно скорее выкупить и впредь производить выплаты ссуд только наличными деньгами¹⁾.

Имея на себе обязательства перед вкладчиками, Опекунский Совет, конечно, не мог быть так либерален к неаккуратным плательщикам, как администрация Дворянского банка. Устав Сохранной Казны требует, что в случае отсрочки платежей, заложенное недвижимое имущество следует продать «неотменно без потери своего капитала и принадлежащего интереса»²⁾. К реализации этого права прибегали, очевидно, весьма нечасто. Мы уже отмечали, что в 1796 г. было констатировано наличие большого количества просроченных ссуд. Но мы все-таки знаем и о случаях продажи с публичного торга имений, заложенных в Сохранной Казне³⁾. Однако, не несколько большая жестокость по отношению к своим клиентам является основной причиной того, что Сохранная Казна — при всех потрясениях ее кредита — все же не оказалась несостоятельным должником. Объяснение этого, очевидно, следует искать в непрерывном пополнении средств Воспитательного Дома в виде всевозможных пожертвований, сборов (с карточной монополии и т. д.), в доходах по ломбардным операциям и в особых привилегиях, полученных от государства (при взимании долгов Воспитательный Дом имел преимущественное право даже перед государственными учреждениями).

Какое количество крестьянских душ и недвижимостей оказалось заложенным в этот период в Сохранной Казне? На этот счет имеются некоторые отрывочные данные.

По Петербургской конторе к концу 1796 г. числилось в залоге 62 тыс. крестьян (а также 312 домов и 45 фабрик⁴⁾; по Московской конторе у нас на этот счет данных нет, но путем некоторых приблизительных исчислений можно установить эту цифру примерно в 100-120 тыс. душ⁵⁾. А. Зябловский-Десятовский в своей знаменитой «Записке о крепостном состоянии в России» (1841 г.) писал, что на 1800 год в Московском и с.-Петербургском Опекунских Советах заложено было 161 тыс. душ на сумму в 7187 тыс. руб.⁶⁾. Если последняя цифра является преуменьшенной по крайней мере в 2,5-3 раза, то цифра заложенных крестьян, как представляется нам, близко подходит к действительности.

Таким образом, Сохранная Казна вырастает в учреждение поземельного (или точнее по-душевного) кредита, которое по масштабам своих операций быстро догоняет Дворянский банк⁷⁾.

Дворянским банком и Сохранной Казной не исчерпывается в это время список кредитных учреждений, ставших себе задачей обслуживание дворянства ссудами.

1) С целью популяризации кредитной деятельности Воспитательного Дома в 1791 г. была выпущена, украшенная великолепными гравюрами, книга «Собрание разных известий имп. Воспитательного дома касательно ссудной и сохранной казен. Идущие к удовольствию общества служащее».

2) Пятковский, там же, стр. 181, 549.

3) П.И.С.З., XIX, 13909.

4) Пятковский — стр. 536.

5) Пятковский — Ук. соч., стр. 578.

6) По данным Филимонова (Ук. соч., стр. 270) в 1803 г. в залоге Московской конторы числилось 244 т. душ, но тогда она раздавала ссуд в 2 раза больше, чем в 1793 г. (17 мил. и 8 мил.).

7) Зябловский-Десятовский А. — Граф Киселев и его время, т. IV, с.р. 331.

В эту пору начинают свою деятельность и местные органы дворянского кредита: приказы общественного призрения и губернские дворянские казны.

Вопрос об организации местных дворянских банков весьма настойчиво ставился на заседаниях Комиссии Нового Уложения (1767)¹⁾. Реализовать в полном объеме дворянские притязания и мечтания не было, конечно, ни малейшей возможности. Неоткуда было найти для этого свободным средствам. Но кое-какие попытки в этом направлении все же были сделаны.

По «Городовому положению» 1775 г. в каждой губернии учреждался «Приказ Общественного Призрения». Так же, как и в Воспитательном Доме здесь имелось в виду соединить «установление, святости причастное» с кредитным учреждением. Ссудные операции должны были, по мысли законодателя, стать источником дохода для «богоугодных заведений», да и самый дешевый кредит рассматривался тоже, как вид благотворения. На операции приказов казной было ассигновано до 15 тыс. руб. на каждую губернию. Но Приказы могли также брать вклады от частных лиц. В инструкции указывалось, «что Приказ имеет отдавать свои деньги в узаконенные прожекты на верные заклады, на основании Дворянского банка, но с той отменой, чтобы заложенное имение действительно в той губернии находилось». Срок ссуды устанавливался — 1 год; размер — от 500 руб. до одной тысячи рублей²⁾.

Власти строго следили за тем, чтобы Приказ Общественного Призрения как ссудное учреждение сохранял дворянско-сословный характер. Когда, например, выяснилось, что в Выборгском наместничестве Приказ выдавал ссуды не только под залог дворянских имений, но и разным чиновникам под так называемые «гейматы» (т. е. земли, находящиеся на «крестьянском праве»), — то это было строжайше запрещено, а выданные ссуды предписано было немедленно взыскать³⁾. Только в 1806 году в «отрашение ущерба в оборотах сумм», Приказам Общественного Призрения было разрешено, в случае, если «не будет от дворянства желающих», давать ссуды также и купцам⁴⁾.

В тех же случаях, когда Приказы не находили в пределах своих губерний достаточно надежных заемщиков «в рассуждении обращения капиталов и заемобразную отдачу» — им предоставлялось право вносить свои суммы для обращения в Заемный банк⁵⁾.

Обратившись в маленькие местные дворянские банки, Приказы Общественного Призрения с первых шагов своей деятельности столкнулись со знакомым нам явлением — стремлением заемщиков превратить краткосрочные ссуды в долгосрочные. Хотя Приказы были задуманы, как органы местного и краткосрочного кредита, — довольно скоро (в 1802 г.) на их клиентов была распространена новая льгота: им было разрешено раздавать ссуды на том же основании, что и Сохранной Казне, говоря иначе, срок одногодичный растягивался до 8 лет; этот же указ разрешал выдачу и более крупных ссуд, хотя высказывал пожелания, чтобы выдавалось в одни руки преимущественно не более 1 тыс. руб.⁶⁾.

В литературе не сохранилось никаких сведений об объеме ссудных

¹⁾ Подробнее об этом см. в моей статье «Из истории экономической подлинки России XVIII в. Вопрос о банках в 68—70 г.г.» — Ученые записки Одесского Педагогического Института имени Ушинского* (1947 г.)

²⁾ П. П. С. З., XX, 1-302.

³⁾ П. П. С. З., XXIII, 17346.

⁴⁾ П. П. С. З., XXVIII, 22126.

⁵⁾ П. П. С. З., XXIX, 21994, 22307.

⁶⁾ П. П. С. З., XXVII, 20352.

операций Приказов Общественного Призрения в интересующий нас период. Местные архивные материалы, освещающие этот вопрос, еще не собраны (и вряд ли полностью дошли до нас) и почти нетронуты исследователями. Известны только обрывочные данные. Московский и Петербургский Приказы находились в особо благоприятном положении, так как свои операции они проводили через Дворянский (а с 1787 г. Заемный) Банк. О Московском Приказе нам известно, что на 1784 г. он выдал ссуд на 152 тыс. руб.¹⁾; на балансе Заемного Банка на 1793 г. числилось 161 т. руб. Московского Приказа и 15 т. руб. (в 1794 г.—90 тыс. руб.)—Петербургского Приказа²⁾. Обороты провинциальных приказов были, конечно, много меньше³⁾. Таким образом, есть все основания считать, что долги Приказам составляли совсем ничтожную часть общей задолженности дворянства тех лет. Еще в 1783 г.—по материалам Зябловского-Десятковского—в Приказах было заложено крестьян на сумму в 10 раз меньшую, чем в Сохранных Казнах Воспитательного Дома⁴⁾.

Еще меньших масштабов была, очевидно, ссудная деятельность дворянских казен при депутатских собраниях.

Эти губернские дворянские депутатские казны составлялись, согласно § 54 «Жалованной грамоты дворянству» (1785 г.) из «добровольных вкладок». Размеры их не были регламентированы законом и составлялись из добровольных взносов в 10-30 к. с «души» в течение одного—двух лет. Иногда устанавливались еще «доброхотные» взносы в размере 1/2% с занимаемой суммы. Устанавливались в пользу дворянских депутатских казен и некоторые специальные пошлины (за грамоты, пергаментные листы и т. д.)⁵⁾.

Основная деятельность казен при депутатских собраниях сводилась к выдаче ссуд под «души»—т. е. они тоже превращались по существу в мелкие филиалы Дворянского (потом Заемного) Банка. Специальное правительственное распоряжение предлагало дворянским казнам в своей скудной практике придерживаться правил, установленных для Заемного Банка.

Следует, однако, отметить, что депутатские собрания вносили от себя некоторые коррективы в сложившуюся практику банка, напр. под залог души они давали не 40 руб., как было установлено законом, а 50-60 руб., а иногда и еще выше. Размер ссуд—в виду ограниченности ресурсов дворянской казны—редко бывал более 1 тыс. руб., но иногда,—как показывает обследование документов Саратовского депутатского собрания—давались ссуды и более крупные—до 5 тыс. руб. Срок ссуды устанавливался в 3 года, но, при просрочке платежа, давалась отсрочка или совершалась новая закладная; иногда же закладная переписывалась на имя ближайших родственников (напр., жены).

Конечно, свободные деньги в дворянских казнах не залеживались. Как видно из дошедших материалов, ссуды выдавались претендентам в тот же день, когда кто-нибудь из должников погашал свою задолженность⁶⁾.

Предшествующие страницы—раздел из большой подготовленной к печати работе—должны были показать, что, если и экономически более

¹⁾ Подьяпольская Б.—ук. соч., стр. 5.

²⁾ Storch, ук. соч., стр. 61—62.

³⁾ Подьяпольская, там же, стр. 16.

⁴⁾ Зябловский-Десятковский—ук. соч., т. IV, стр. 351.

⁵⁾ Подьяпольская—ук. соч., стр. 17.

⁶⁾ Там же, стр. 18—23.

передовых странах развитие кредитного дела означало, как указывал К. Маркс, «лишь подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства»¹⁾, то не сколько иная роль выпала на долю банков России XVIII в. И здесь, как указал в том же месте Маркс, — «развитие кредитного дела возникает как реакция против ростовщичества», но в условиях феодально-крепостнической России эта реакция против ростовщичества свелась только к попытке освободить феодальное землевладение от задолженности, т. е. по существу к попытке законсервировать крепостнические отношения. И это имело место в последней четверти XVIII в., т. е. тогда, когда весьма заметно развивался в недрах русского феодально-крепостнического хозяйства капиталистический уклад²⁾.

¹⁾ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 530 (изд. 1935 г.).

²⁾ Вопросы кредитования торговли и промышленности в экономической политике России второй половины XVIII в. рассматриваются нами в особой работе, подготовленной в настоящее время к печати.